

18+

Мари О.

СОСЕДСКИЙ КОДЕКС

Мари О.

Соседский кодекс

«Издательские решения»

Мари О.

Соседский кодекс / Мари О. — «Издательские решения»,

Он — инженер, который верит в инструкции, графики и «Соседский кодекс». Она — художница, для которой хаос — это форма искусства. Их разделяет всего лишь тонкая стена и целая пропасть во взглядах на жизнь. Когда соседский потоп, битва за парковочное место и кот-террорист становятся нормой, они понимают: любовь — это единственная авария, которую невозможно просчитать по ГОСТу. Осторожно: чтение вызывает неконтролируемое желание спорить о цвете стен и смеяться над абсурдом быта!

© Мари О.

© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Соседский кодекс	9
Глава 2. Битва за парковочное место	14
Глава 3. Кот по имени Бублик	21
Глава 4. Ремонт как способ терапии	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Соседский кодекс

Мари О.

*Посвящается моей младшей сестре, моей идейной
вдохновительнице. Благодаря тебе появились герои этой истории.
Мари О*

Дизайнер обложки Мари О

© Мари О., 2026

© Мари О, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8176-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Порядок потребен лишь глупцу; гений властвует над хаосом.
Альберт Эйнштейн

Эрик Шин верил в порядок. Не в тот, который наводят уборщицы по субботам, размахивая шваброй, а в тот, что лежит в основе всего. В его сорок лет жизнь была похожа на идеально отлаженный механизм швейцарских часов: никаких сюрпризов, всё по расписанию и на своих местах. Никаких «вдруг» или «как-то так». Его квартира была не просто жильём, а храмом логики, стерильной крепостью, где каждый предмет знал своё место.

Книги на полках стояли не по авторам — это было бы слишком просто. Они были выстроены по высоте корешков и цвету обложки, создавая плавный градиент от тёмно-синего к светло-голубому. Это успокаивало глаз. Его коллекция инструкций к бытовой технике занимала целую полку из «ИКЕА» и была каталогизирована по году выпуска прибора и языку оригинала. Немецкие инструкции он ценил особенно высоко за педантичность формулировок и обилие схем. На кухне висел календарь с графиком замены фильтров для воды — не потому что вода была плохая (анализы утверждали обратное), а потому что регламент есть регламент. Отклонение от графика было бы равносильно нарушению фундаментальных констант Вселенной.

Эрик работал ведущим инженером-проектировщиком в крупной компании, где его уважали за внимание к деталям и умение находить ошибки в сметах там, где другие видели лишь сплошной текст договора с мелким шрифтом. Он был человеком-скобкой: всё должно быть закрыто, всё должно быть на своём месте. Крышка ноутбука закрыта. Дверь в ванную заперта на щеколду (во избежание внезапного вторжения). Крышка на банке с кофе закручена до упора.

Но у любой системы есть внешняя среда. И средой Эрика Шина была Евдокия Волкова. А для друзей — просто Дуся.

Она жила за стеной.

И она была не просто ошибкой в его идеально написанном коде. Она была вирусом. Чистым, незамутнённым вирусом хаоса в человеческом обличье.

Если квартира Эрика была библиотекой стандартов ГОСТ и ISO, то жильё Дуси представляло собой эпицентр творческого взрыва, застывший во времени и пространстве подобно кадру из фильма-катастрофы за секунду до удара метеорита. Холсты всех возможных размеров были прислонены к стенам так, что казалось: малейшее дуновение ветра из открытого окна — и вся эта конструкция рухнет под собственным весом, погребая под собой всё живое в радиусе двух метров.

Запахи в этой квартире менялись непредсказуемо: от резкого удушливого запаха растворителя 646 (который Эрик ненавидел всей душой за его химическую агрессию) до умопомрачительного аромата жареной картошки с луком и грибами — единственного запаха из квартиры Дуси, который Эрик был готов терпеть и даже находить в нём некое первобытное очарование.

Музыка менялась без всякого предупреждения: от величественных органных фуг Баха (что Эрик находил странным, но приемлемым фоном для работы) до оглушительного русского рока восьмидесятых в исполнении группы «Кино» или «ДДТ», что заставляло его вздрагивать и проверять настройки своих наушников с шумоподавлением.

Дуся была художницей. Она верила не в инструкции по технике безопасности при работе с масляными красками (которые Эрик однажды нашёл распечатанными на *его* принтере), а во вдохновение. А вдохновение, по мнению Эрика Шина, чаще всего означало беспорядок уровня 8.5 по шкале Рихтера и шум после одиннадцати вечера уровня «грохот падающего мольберта».

Он пытался бороться с этим хаосом цивилизованно. Он завёл блокнот в кожаном переплёте (подарок от коллег на 23 Февраля), куда записывал пункты так называемого «Соседского кодекса». Он так его и не дописал.

Пункт 1: Запрет на использование дрели после 20:00 (за исключением случаев стихийного бедствия).

Пункт 2: Запрет на приготовление блюд с использованием карри по четвергам (аллергия Эрика).

Пункт 3: Запрет на хранение велосипедов на лестничной клетке.

Пункт 4... Пункт 4 он вычеркнул. Он звучал так: «Запрет на появление кота Бублика на территории квартиры №41». Это было невыполнимо.

Он планировал торжественно вручить этот документ соседке при встрече. Но жизнь, как известно любому инженеру-практику, не подчиняется даже самым лучшим инструкциям и самым стройным алгоритмам. Она любит вносить свои коррективы — обычно в самый неподходящий момент и с максимальным уровнем абсурда.

И первая такая корректива произошла не со звука дрели или запаха карри.

Всё началось прозаичнее и циничнее.

Всё началось сдохлой мышью.

Точнее — со звука открывающейся двери Дуси и последовавшего за ним грохота чего-то тяжёлого (вероятно, мольберт), а затем — тишины. А потом — этого самого звука шагов по коридору.

Эрик как раз собирался войти к себе в квартиру (квартира №41). В одной руке он держал портфель из итальянской кожи (подарок самому себе за успешную сдачу проекта «Горизонт-2»), в другой — ключи от машины (*Volkswagen Polo*, цвет «тёмный титан»). Он был в ловушке своего же собственного педантизма.

На его идеально бежевом коврике из кокосового волокна лежал он. Жалкий серый трофей.

Коврик Эрик чистил специальным средством с запахом альпийских лугов дважды в неделю: по вторникам и пятницам ровно в 19:45. Этот ритуал был так же незыблем для его психики, как восход солнца или график движения поездов метро Сокольнической линии от станции «Юго-Западная» до «Бульвара Рокоссовского». И вот теперь этот символ чистоты был осквернён биологическим объектом класса «Б» (разлагающаяся органика).

Эрик смотрел на мышь. Ему на мгновение показалось, что в её стеклянных глазах застыл немой укор всему человечеству за несовершенство мира. В его голове произошёл критический сбой: «Ошибка 404: Протокол по утилизации биологических отходов не найден».

Он стоял в полутёмном коридоре со связкой ключей в руке. Чтобы войти внутрь и избежать контакта с «экспонатом», ему пришлось бы перешагнуть через него. А это — прямое нарушение протокола «Санитарная безопасность жилища», пункт 7.3 (подпункт «г»). С другой стороны чтобы обойти мышь по дуге ему пришлось бы прижаться к стене испачкав пальто Hugo Boss о фактурные обои что также являлось грубейшим нарушением протокола «Сохранность верхней одежды».

Это была патовая ситуация, классическая задача из области теории игр, где любой ход ведёт к проигрышу, но проигрыш от испачканного пальто казался ему более приемлемым, чем проигрыш от нарушения санитарных норм, хотя оба варианта вызывали у него лёгкую тошноту.

В этот момент из-за стены раздался жизнерадостный женский голос, который мог принадлежать только одному человеку:

— О! Эрик! Вы уже получили мой подарок? Это же высшая степень доверия!

Эрик медленно повернул голову, словно перископ подводной лодки, обнаружившей вражеский крейсер. В дверном проёме квартиры №42 стояла она. Агент хаоса. Человек-катастрофа. Носитель вируса беспорядка.

На ней была пижама с единорогами. Розовыми. Единороги были мультяшными, с большими глазами, полными идиотского счастья, что резко контрастировало с мрачным выражением лица самого Эрика, которое сейчас напоминало посмертную маску английского лорда, узнавшего, что его родовой замок продан под ночной клуб.

— Доверия? — прошипел Эрик. Голос его сорвался на скрипучую октаву, которую он сам ненавидел, но ничего не мог с собой поделать. — Это биологическая угроза! У меня есть протокол дезинфекции! Пункт четырнадцать точка семь!

Дуся посмотрела на мышь, потом на Эрика, потом снова на мышь. Её лицо озарила улыбка человека, который только что понял, что его подарок пришёлся по вкусу:

— Бублик просто выражает вам почтение. Он у нас кот тонкой душевной организации.

И прежде чем Эрик успел возразить, сформулировать аргумент о том, что выражение почтения не должно включать в себя доставку трупов к порогу соседа, Дуся сузила глаза, прислушиваясь к звукам из своей квартиры:

— О нет... Опять он застрял!

И она совершила действие, которое окончательно разрушило привычную картину мира Эрика Шина. Она сунула ему мышь. Прямо в руку. Вложила её так же естественно, как мать вкладывает ребёнку игрушку перед уходом в магазин.

— Подержите! — крикнула она уже убегая обратно в свою квартиру, откуда донёсся звук бьющегося стекла (вероятно, очередная банка из-под растворителя) и душераздирающий кошачий вопль, который мог означать всё что угодно: от просьбы о помощи до требования второй порции паштета.

Эрик остался стоять один на лестничной клетке типовой панельной девятиэтажки, построенной в конце восьмидесятых годов прошлого века где-то между эпохой дефицита и эпохой потребления. Он стоял, сжимая двумя пальцами за хвост объект биологической угрозы. Его лицо было бледным, а глаза выражали вселенскую скорбь человека, чей мир только что рухнул.

Он посмотрел на мышь.

Потом на свою дверь.

Потом снова на мышь.

В этот момент Эрик Шин понял страшную вещь: его упорядоченная жизнь только что сделала первый шаг навстречу полному безумию. Его система дала фатальный сбой. Его личный файрвол был взломан вирусом под названием «Дуся», а троянский кот по имени Бублик уже хозяйничал внутри.

А где-то в глубине квартиры номер сорок два кот по имени Бублик висел между секциями старой чугунной батареи отопления, зацепившись пузом за острый край чугунного ребра. Он смотрел на мир из своей ловушки с философским спокойствием существа, познавшего дзен.

Он думал о вечном: *«И почему эти двуногие всегда так усложняют? Я же просто хотел подружиться... А ещё мне очень хотелось посмотреть, что там у него за дверью... Пахнет оттуда интересно... И коврики такой приятный на ощупь...»*

Глава 1. Соседский кодекс

*«Жизнь — это то, что происходит,
пока ты строишь другие планы».*
Джон Леннон

Эрик Шин всегда считал, что жизнь — это система.

Если у системы есть чёткие вводные данные, понятные алгоритмы и строгий регламент, то на выходе ты получаешь предсказуемый и, главное, комфортный результат. Никаких сбоев, никаких «ой, а что это было?». В его сорок лет эта теория работала безупречно.

Его квартира в спальном районе Москвы была физическим воплощением этой философии.

На кухне висел календарь с графиком замены фильтров для воды — не потому, что вода была плохая, а потому что регламент есть регламент. В шкафу книги стояли по высоте корешков и цвету обложки (от тёмного к светлому). Его коллекция инструкций к бытовой технике занимала отдельную полку и была каталогизирована по году выпуска прибора и языку оригинала (немецкие инструкции он ценил особенно высоко за педантичность формулировок).

Эрик работал инженером-проектировщиком в крупной компании, где его уважали за внимание к деталям и умение находить ошибки там, где другие видели лишь сплошной текст договора. Он был человеком-скобкой: всё должно быть закрыто, всё должно быть на своём месте.

Но у любой системы есть внешняя среда. И среда Эрика Шина носила имя Евдокия, а для друзей — просто Дуся.

Она жила за стеной.

И она была ошибкой в его идеально написанном коде.

Если квартира Эрика была библиотекой стандартов, то жильё Дуси представляло собой эпицентр творческого взрыва, застывший во времени и пространстве. Холсты, прислонённые к стенам так, что казалось, они вот-вот рухнут под собственным весом. Запахи растворителя и чего-то жареного, доносящиеся через вентиляцию с непредсказуемой периодичностью. Музыка, которая менялась от Баха до русского рока восьмидесятых без всякого предупреждения.

Дуся была художницей. Она верила не в инструкции, а во вдохновение, которое, по мнению Эрика, чаще всего означало беспорядок и шум после одиннадцати вечера. Он пытался бороться с этим хаосом цивилизованно. Он составил «Соседский кодекс» — двенадцать правил мирного сосуществования, распечатал его на плотной бумаге и даже заламинировал края для долговечности.

Пункт 1: Запрет на использование дрели после 20:00.

Пункт 2: Запрет на приготовление блюд с использованием карри по четвергам (аллергия Эрика).

Пункт 3: Запрет на хранение велосипедов на лестничной клетке.

Он планировал торжественно вручить этот документ соседке при встрече. Но жизнь, как известно, не подчиняется даже самым лучшим инструкциям. Она любит вносить свои коррективы — обычно в самый неподходящий момент и с максимальным уровнем абсурда.

И первая такая корректива произошла из-за воды.

Эрик Шин ненавидел сюрпризы почти так же сильно, как он ненавидел беспорядок.

А то, что начало капать с потолка его идеально белоснежного натяжного потолка над кухонным столом, было сюрпризом высшего порядка — катастрофическим и абсолютно незапланированным.

Первая капля упала ровно в 19:45, когда Эрик только закончил сервировать ужин: стейк средней прожарки (ровно три минуты с каждой стороны), спаржа на пару (ровно семь минут) и бокал сухого красного (ровно 150 мл).

Капля шлёпнулась прямо в центр тарелки со спаржей.

Эрик замер с бокалом в руке. Он смотрел на растекающуюся лужицу с выражением лица палеонтолога, который только что обнаружил скелет динозавра у себя в гостиной. Это было невозможно. Это нарушало законы физики его квартиры.

Вторая капля упала ему за шиворот, когда он задрал голову вверх.

— Что за... — начал он фразу на выдохе, который больше походил на шипение проколотой шины. Третья капля угодила в бокал с вином, расплескав благородный напиток по белой скатерти. Это было уже объявление войны.

Эрик Шин был человеком действия, но его действия всегда были просчитаны на три шага вперёд. В данной ситуации алгоритм был прост: найти источник протечки и устранить угрозу порядку.

Источник мог быть только один — соседи сверху. А так как над ним жила только Евдокия (или Дуся, как она велела себя называть всем подряд), включая курьера из «Доставки» и сантехника Петровича, то вычисление виновника заняло у Эрика ровно 0,2 секунды.

Он отложил салфетку (аккуратно сложив её треугольником) и направился к двери с решимостью человека, идущего подписывать мирный договор после выигранной войны.

Его подготовка к визиту была молниеносной и методичной:

1. Взять ведро (новое).
2. Взять тряпку (микрофибра).
3. Взять ламинированный «Соседский кодекс» (для морального давления).
4. Надеть тапочки (не уличные!).

Подойдя к двери Дуси, он прислушался. Из-за стены доносились звуки какой-то возни и приглушённое пение — кажется, это был саундтрек из старого советского фильма про гардемаринов.

Эрик глубоко вдохнул, сосчитал до трёх для успокоения нервной системы (метод йогов) и нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась не сразу. Сначала послышался грохот чего-то тяжёлого, упавшего на пол (вероятно, мольберт), а затем дверь распахнулась настежь с такой силой, что если бы Эрик стоял ближе, она бы вошла в резонанс с его носом.

На пороге стояла Дуся.

Вид у неё был... живописный.

Её волосы были собраны в высокий пучок на макушке и удерживались кистью для масла с торчащим из неё пучком синтетической щетины. На ней была старая футболка с логотипом какой-то рок-группы девяностых, сплошь заляпанная разноцветными пятнами краски — от кобальта до охры. А ниже... ниже были пижамные штаны с розовыми единорогами, которые подмигивали Эрику своими вышитыми глазами-бусинками.

— Привет! — радостно воскликнула она так громко, что Эрик инстинктивно поморщился от децибелов. — Ты вовремя! У меня тут творческий прорыв!

— У вас прорыв трубы! — отчеканил Эрик металлическим голосом робота Вертера из старого фильма «Гостья из будущего». — У меня потоп!

Он демонстративно поднял вверх ведро и микрофибру как вещественные доказательства преступления против частной собственности и здравого смысла. Дуся проследила взглядом за его снаряжением, затем посмотрела ему за спину на лестничную клетку и снова уставилась на

него своими огромными карими глазами, которые сейчас выражали смесь восторга художника и детской невинности нашкодившего котёнка.

— Ой... — только и сказала она таким тоном, будто речь шла о пролитой чашке чая, а не о катастрофе библейского масштаба для перфекциониста Эрика Шина.

— Именно «ой», — кивнул Эрик. — И это ещё мягко сказано. У меня капает с потолка! На мой ужин! На мою... спаржу!

Последнее слово он произнёс с таким трагическим надрывом, будто речь шла о гибели редкого вида орхидей или о сносе памятника архитектуры ЮНЕСКО.

— Спаржа? — Дуся выглянула в коридор ещё раз и принялась. — О! Так ты готовил? А я думала... ну... ты же обычно заказываешь еду в этих... как их... контейнерах?

— Я готовлю! — возмутился Эрик до глубины души таким стереотипом о своей личности. — Я прекрасно готовлю! Но я не могу этого делать под аккомпанемент капельницы!

Он сделал шаг вперёд, пытаясь заглянуть ей через плечо в квартиру — эпицентр бедствия.

Квартира Дуси встретила его привычным хаосом: холсты стояли штабелями у стен, как солдаты поверженной армии; банки с кистями громоздились на подоконнике; а посреди этого бедлама стоял мольберт с огромным холстом, покрытым абстрактными мазками красного и чёрного цветов, которые при беглом взгляде напоминали то ли взрыв сверхновой звезды, то ли последствия очень плохого дня у очень злого человека.

А запах... Запах стоял густой, химический и совершенно неприемлемый для жилого помещения после восьми вечера согласно «Соседскому кодексу», пункт 7-бис: «Ограничение использования растворителей во избежание интоксикации соседей».

— Что вы делаете? — строго спросил он, глядя на мольберт так, будто это был вражеский танк на нейтральной полосе.

— Я творю! — гордо заявила Дуся и взмахнула руками так энергично, что капля краски сорвалась с её рукава и приземлилась прямо на идеально чистый носок домашней туфли Эрика из натуральной замши цвета топлёного молока.

Эрик посмотрел вниз. На бежевой ткани расплывалось тёмно-синее пятно индиго.

В этот момент где-то внутри него произошёл системный сбой. Его внутренний процессор перегрелся от количества нарушений протокола за последние три минуты: шумовой фон выше нормы, химическая атака через вентиляцию, несанкционированное проникновение жидкости на частную территорию (носок) и порча имущества (носок).

— Вы... вы... испачкали мой носок! — прошипел он голосом разъярённой гадюки.

— Это же индиго! — воскликнула Дуся с восторгом химика-любителя. — Очень стойкий пигмент! Будет модно!

— Мне не нужно модно! Мне нужно ЧИСТО!

Эрик сделал глубокий вдох-выдох по методике Бутейко для восстановления кислотно-щелочного баланса крови после стресса.

— Послушайте... Евдокия... — начал он максимально спокойным тоном профессионального переговорщика с террористами или родителями гиперактивных детей. — У меня течёт потолок. Это означает протечку у вас в ванной или на кухне. Мне нужно туда попасть для оценки ущерба и локализации аварии.

Дуся отступила на шаг назад и скрестила руки на груди:

— А вы кто? Представитель ЖЭКа? Или МЧС? У вас есть удостоверение?

Эрик опешил от такой наглости:

— Я ваш сосед снизу! Я живу прямо под вами! Я инженер! Я могу это починить!

— Вы можете починить мою душу? — неожиданно спросила она совершенно серьёзно, глядя ему прямо в глаза своим фирменным взглядом «я-художник-я-так-вижу».

— Что? Нет! При чём тут душа? Речь идёт о трубах! О коммуникациях! О материальном мире!

Дуся вздохнула так тяжело, будто ей приходилось объяснять теорию относительности коту:

— Искусство требует жертв! Вы же не думаете, что Ван Гог писал свои подсолнухи в стерильной операционной?

Эрик почувствовал приближение мигрени:

— Ван Гог отрезал себе ухо! Вы хотите отрезать мне потолок? Или может быть... ногу?

В этот момент сверху упала ещё одна капля воды — крупная такая, увесистая капля конденсата или чего похуже — прямо Эрику за шиворот рубашки-поло от Ralph Lauren (купленной со скидкой 30%, но от этого не менее любимой).

Это была последняя капля в прямом смысле этого слова.

Эрик Шин понял: дипломатия провалилась. Система дала сбой. Хаос победил порядок локально, но глобально он этого так не оставит.

Он молча развернулся на пятках своих испорченных туфель Zara Home Edition (лимитированная коллекция), пошёл к себе домой за инструментами для вскрытия двери соседей при чрезвычайной ситуации (он предусмотрел даже это), бормоча себе под нос пункты своего «Кодекса», которые были нарушены самым грубым образом:

«Пункт 12: Соседи обязаны содержать свои коммуникации в исправном состоянии...»

«Пункт 15: Запрет на использование ванной комнаты как студии для мытья кистей...»

«Пункт 999: При угрозе затопления сосед имеет право применить силу...»

Когда он вернулся через минуту со связкой ключей-отмычек собственного изготовления (на всякий случай), дверь Дуси была приоткрыта чуть шире.

Из-за неё доносился шум воды и тихое чертыхание вперемешку со звуками падающих банок.

Эрик заглянул внутрь без спроса.

Дуся стояла посреди ванной комнаты по щиколотку в воде. Она пыталась заткнуть дыру под раковиной полотенцем цвета фуксии («Взбесившаяся фуксия», вспомнил Эрик цвет её кухни), но вода всё равно просачивалась сквозь ткань веселыми струйками.

Её творческая мастерская превратилась в зону стихийного бедствия номер один по шкале Шина-Рихтера для бытовых катастроф.

Увидев его снова на пороге со зловещим набором инструментов наперевес (молоток-гвоздодёр выглядел особенно угрожающе), она всплеснула руками:

— Только не говорите мне про молоток!

— Я пришёл чинить трубу! А не обсуждать ваши художественные предпочтения! Он решительно прошёл мимо неё к месту аварии, стараясь не наступать босыми ногами (он снял испорченные туфли) в лужи холодной воды. Его взгляд профессионального диагноста мгновенно оценил масштаб разрушений: сифон под раковиной был отсоединён полностью; гибкая подводка болталась как хвост дохлой рыбы; а сама раковина была завалена кистями всех калибров вперемешку со склянками льняного масла («Льняное масло? Серьёзно? Вы моете им кисти?»).

Это было за гранью добра и зла для инженера-консерватора Эрика Шина. Он молча закатал рукава своей идеально выглаженной рубашки Hugo Boss («Тёмно-синий меланж») до локтей («Риск порчи ткани составляет 87%», отметил он про себя), присел на корточки перед местом катастрофы («Риск порчи брюк Tommy Hilfiger составляет 99%») и принялся за работу.

Дуся стояла у него за спиной как немой укор совести всего божьего мира:

— Может... вам помочь?

— Не мешайте хотя бы! — буркнул он через плечо тоном хирурга во время сложной операции по пересадке сердца пациенту-оптимисту.

Она замолчала минут на пять. «Тишина — первый признак того, что пациент либо умер от шока, либо осознал свою вину», подумал Эрик. Он ловко подкрутил разводным ключом гайку сифона («Немецкий инструмент Kiprex — гарантия качества»), подсоединил подводку («Герметик Loctite 577 — лучший выбор для влажных сред») и проверил систему пробным запуском воды («Протокол испытаний пройден успешно»).

Вода ушла в слив как миленькая.

Победа была одержана малой кровью: только рубашка безнадежно промокла да брюки обзавелись мокрым пятном от колена до щиколотки («Химчистка „Белый Медведь“ справится»).

Он встал во весь рост («Рост 180 см позволяет смотреть свысока даже художникам») и повернулся к Дусе:

— Готово!

Она смотрела на него снизу вверх («Разница в росте компенсируется разницей в мировоззрении») с выражением искреннего восхищения:

— Вы такой... такой...

— Аккуратный? Профессиональный? Педантичный?

Она улыбнулась той самой улыбкой Моны Лизы после вечеринки:

— Такой мокрый!

И тут же рассмеялась звонким смехом человека, который только что избежал выплаты огромного штрафа за порчу чужого имущества смехом вместо денег.

Эрик посмотрел на свою мокрую одежду («Вероятность простудиться при сквозняке из окна составляет...»), потом на её счастливое лицо. «Вероятность того, что я сейчас её придушу этим полотенцем цвета фуксии...», — подумал он, и вдруг понял страшную вещь:

Его система дала сбой окончательно и бесповоротно.

Потому что вместо того чтобы испытывать праведный гнев инженера-строителя к виновнице потопа номер сорок семь за этот год («Статистика ведётся с момента переезда»), он смотрел на её смеющиеся глаза цвета крепкого кофе без сахара («Вредно для эмали зубов») и чувствовал странное тепло где-то чуть ниже солнечного сплетения («Вероятно, это спазм диафрагмы от переохлаждения»).

Это было совершенно нелогично.

Это было неправильно по всем пунктам «Кодекса».

Но это было началом конца его упорядоченного мира размером сорок два квадратных метра плюс балкон три метра («Балкон используется строго для сушки белья согласно регламенту»).

А всё из-за одной капли воды... или двух... или ста сорока семи...

Глава 2. Битва за парковочное место

*«Любовь — это когда хаос одного
становится гармонией для двоих».
Автор неизвестен*

Москва — это не просто город. Москва — это сложнейшая экосистема, где выживает не самый сильный, а самый терпеливый и, что важнее, самый юридически подкованный. В этой экосистеме парковочное место во дворе — это не просто асфальт, залитый битумом. Это священная земля, личный оазис спокойствия в бетонной пустыне, право на которое отстаивается с яростью берсерка, защищающего последний кусок мяса на пиру.

Для Эрика Шина его парковочное место было именно таким оазисом. Он отвоевал его в честной, но изнурительной бюрократической войне с соседом Петровичем, предоставив в управу схему движения с цветовой дифференциацией потоков и графиком загрузки дворовой территории. Петрович, вооружённый лишь ржавым «Москвичом» и аргументом «я тут двадцать лет паркуюсь», был повержен и задвинут на периферию двора, к мусорным бакам. Эрик же водрузил свой флаг — точнее, аккуратную табличку «Э. Шин» на столбик — и с тех пор считал это место своей неприкосновенной собственностью.

Его ритуал был священен. Возвращаясь с работы, он издавдалека сканировал территорию. Если место было свободно, он позволял себе лёгкую улыбку удовлетворения. Если занято... что ж, это был повод для немедленного вызова службы поддержки вселенной и написания гневного поста в районном чате (который он, разумеется, никогда не отправлял, соблюдая пункт 11 своего «Соседского кодекса»: «Не выносить сор из избы в интернет»).

В тот вторник всё шло по плану. Эрик свернул во двор, уже предвкушая, как через пять минут он будет сидеть на своём эргономичном стуле с чашкой травяного чая и просматривать отчёты. Но его lidar-зрение мгновенно зафиксировало аномалию.

На его месте. Стоял. Старый. «Москвич» Петровича.

Эрик почувствовал, как его артериальное давление плавно ползёт вверх, нарушая все нормы ВОЗ. Он припарковался чуть поодаль, заглушил двигатель и несколько секунд просто сидел, сжимая руль побелевшими костями пальцев. Он мысленно перебирал варианты: от вежливой беседы (маловероятно) до вызова эвакуатора (дорого и хлопотно).

В этот момент во двор въехала Дуся.

Её малолитражка, ярко-жёлтая и похожая на сердитого шмеля, влетела на площадку с грацией пьяного колибри. Она лихо оценила диспозицию: вот стоит монументальный джип соседа с пятого этажа, вот приткнулась «Лада» тёти Клавды... а вот стоит «Москвич». И прямо за ним — о, чудо! — остаётся ровно столько места, чтобы втиснуться туда мог только человек с нулевым чувством самосохранения или дипломом пилота Формулы-1.

Дуся была именно таким человеком.

— Идеально! — воскликнула она вслух, обращаясь к своему отражению в зеркале заднего вида.

Эрик, который уже вышел из своей машины и направлялся к «Москвичу» с лицом налогового инспектора, увидев манёвр Дуси, застыл как вкопанный. Его челюсть медленно отвисла.

— Нет... — прошептал он одними губами. — Нет-нет-нет...

Дуся тем временем совершила невозможное. Сдавая назад, выкручивая руль то вправо, то влево с частотой взмахов крыльев колибри, она втиснула свою машинку в зазор между бампером Петровича и сугробом так плотно, что Эрик мог бы открыть её водительскую дверь только с помощью гидравлического домкрата.

Она заглушила мотор и выпорхнула из машины, сияя от гордости за свой водительский талант.

— О! Эрик! — радостно крикнула она, заметив соседа. — Привет! Как удачно я встала!

Эрик медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по её счастливому лицу, затем по её машине, которая теперь блокировала не только выезд Петровича (которого здесь уже не было), но и его собственный выезд.

— Удачно? — переспросил он голосом, от которого молоко могло бы свернуться прямо в пакетах у пенсионерок на лавочке. — Вы припарковались на моём месте.

Дуся огляделась по сторонам с преувеличенным вниманием детектива на месте преступления:

— Где? Я не вижу таблички «Частная собственность».

— Это моё место по праву хронологического приоритета и согласно негласному договору жильцов!

— А я художник! Я не верю в негласные договоры! Я верю в цвет! В форму! В пространство! — она развела руками, очерчивая контуры своего парковочного подвига.

Эрик подошёл к её машине и постучал костяшками пальцев по капоту. Звук получился глухим и безнадёжным.

— Вы заблокировали мне выезд.

— Не драматизируйте! — отмахнулась Дуся. — Вы можете выехать через соседний проезд.

— Там висит знак «Движение запрещено».

— Ну вот! Видите! Это же судьба! Вам просто необходимо было сегодня припарковаться здесь!

Эрик понял, что столкнулся с высшей формой хаоса — хаосом, который маскируется под логику. Это было как спорить с квантовой физикой о правилах этикета.

Он достал телефон и открыл приложение «Карты».

— Я буду вызывать эвакуатор.

— Ого! Какие мы решительные! — Дуся подошла ближе и заглянула в его экран. — А давайте лучше нарисуем схему!

Не дожидаясь ответа, она достала из кармана мелок (откуда у неё в кармане мелок?!) и присела на корточки прямо на мокрый асфальт.

— Смотрите! Вот это вы! — она нарисовала квадратик. — Вот это я! — рядом появился кружок. — А вот это ваш выезд! Он заблокирован мной!

— Я в курсе геометрии первого класса, Евдокия. — Не мешайте следствию! Итак... если я сейчас уеду... вы сможете выехать. Но тогда Петрович вернётся и займёт ваше место!

Она нарисовала ещё один квадратик за своим кружком.

— А если мы... вот так... чуть-чуть подвинем «Москвич»? — она нарисовала стрелочку. — То вы сможете выехать боком!

Эрик посмотрел на схему. С точки зрения физики это был бред сумасшедшего. Чтобы «подвинуть» машину Петровича боком хотя бы на полметра, требовался тягач и бригада МЧС.

— Вы предлагаете мне совершить манёвр, который нарушит три пункта ПДД и один закон Ньютона. — А я предлагаю вам свободу! Свобода требует жертв!

В этот момент из окна высунулась голова Петровича:

— Эй, молодёжь! Чего мою ласточку обсуждаете? Я ща выйду!

Эрик посмотрел на Дусю. Дуся посмотрела на Эрика. В её глазах плясали озорные черти.

— Ладно, Шин! Ставки сделаны! Кто первый выедет, тот и прав!

Петрович завёл свой драндулет. Дуся прыгнула за руль своей букашки. Эрик остался стоять между двумя машинами как единственный трезвый на свадьбе рок-музыкантов.

Петрович начал выкручивать руль. Дуся начала газовать назад. Асфальт огласился визгом шин, скрежетом металла о сугроб и отборным матом Петровича.

Эрик закрыл глаза рукой.

Когда через пять минут всё стихло, картина была следующей: «Москвич» стоял под углом сорок пять градусов к бордюру (и к своему обычному месту), машина Дуси была зажата между ним и сугробом ещё плотнее (если это вообще было возможно), а сама Дуся победно сигналила из окна:

— Я свободна как птица! А вы всё ещё в плену своих предрассудков!

Эрик молча сел в свою машину. Он включил заднюю передачу так плавно, будто управлял не автомобилем, а тончайшим хирургическим скальпелем. Он вывернул руль до упора, нажал на газ буквально на миллиметр... и его машина, совершив чудо параллельной парковки в исполнении робота-андроида, выскользнула из западни без единого звука.

Он проехал мимо Дуси, которая смотрела на него с открытым ртом. — Как?! Как вы это сделали?!

Эрик опустил стекло на пару сантиметров:

— Инженерный расчёт, Евдокия. В отличие от вашего творческого порыва, он работает без сбоев.

И уехал в закат (ну, или просто за угол дома), оставив Дусю одну стоять посреди двора с мелком в руке и осознанием того, что иногда порядок может быть гораздо более эффективным зрелищем, чем самый громкий хаос.

Но опять все повторилось в очередной вторник...

Дуся. Человек-катастрофа в худшем смысле этого слова. Она парковалась не по правилам логики или традиции, а по наитию, по зову сердца или, как подозревал Эрик, по расположению звёзд.

Её малолитражка — ярко-жёлтый, жизнерадостный «жук» на колёсах — вечно торчала то криво, заехав передним бампером на газон (пункт 12.4 ПДД РФ, нарушение!), то слишком близко к его водительской двери, делая выход из машины акробатическим этюдом с элементами йоги.

— Дуся! — в тот роковой вторник Эрик поймал её у подъезда. Он был спокоен. Слишком спокоен. — Вы снова нарушили геометрию парковочного пространства. Ваш задний бампер перекрывает мне 47% сектора обзора при выезде задним ходом. Это создаёт аварийную ситуацию.

Дуся, тащившая огромный холст, завернутый в коричневую бумагу, посмотрела на него с весёлым недоумением:

— Эрик, вы меряете жизнь в процентах? Расслабьтесь. Машина — это просто жестянка. Главное — чтобы душа летела!

— Моя душа не летит! — возразил Эрик. — Моя душа впадает в паническую атаку при мысли о том, что я поцарапаю вашу «жестянку» и свою. У меня есть протокол безопасного выезда (пункт 3.2), и вы его нарушаете!

Дуся похлопала его по плечу рукой, испачканной в чём-то красном (кадмий красный?):

— Протоколы — для роботов. А мы с вами — люди! Ну, почти.

Это «почти» задело Эрика больше всего. Он не был роботом. Он был инженером. А инженер — это творец порядка.

С этого дня началась холодная война. Не та, с ядерным оружием и шпионами, а тихая, партизанская война манёвров и контрманёвров.

Утром Эрик стал выходить на «патрулирование» территории на пятнадцать минут раньше обычного (06:45 вместо 07:00). Он парковался идеально ровно, по лазерному уровню в голове, оставляя Дусе жалкие сантиметры для манёвра.

Дуся отвечала асимметрично. Она стала парковаться так, чтобы заблокировать ему выезд ровно на те 15 минут, что он тратил на утренний кофе и просмотр новостей. Она называла это «художественным беспорядком».

Эрик начал оставлять под дворником Дуси записки. Не гневные, о нет. Записки были составлены в безупречно вежливом, канцелярском стиле: «Уважаемая Евдокия Сергеевна!

Настоящим уведомляю Вас, что Ваше транспортное средство припарковано с нарушением пункта 12.4 ПДД РФ (стоянка на газоне). Прошу принять меры. С уважением, Эрик Шин».

Дуся отвечала ему рисунками на обратной стороне его же записок. На одной был изображён смайлик с высунутым языком. На другой — его серый Polo, превращённый в космический корабль с подписью: «Летит к звёздам! Не мешайте!».

Кульминация наступила в пятницу вечером.

Эрик возвращался домой после изнурительного дня. Проект «Горизонт-2» горел по срокам, начальник смотрел на него взглядом василиска, а в столовой опять не было брокколи на пару. Единственное, о чём он мечтал — это тишина, его ортопедический матрас и отчёты в Excel.

Он повернул во двор и... увидел это.

Его место было занято. Нет, не ржавым «Москвичом» Петровича (тот хотя бы соблюдал нейтралитет). Его место заняла Дуся. Но как! Она втиснула свой жёлтый «жук» так плотно к его месту, что между бамперами оставалось расстояние, которое Эрик измерил бы линейкой как 12 сантиметров.

Это было объявление войны.

Эрик медленно проехал мимо. Его лицо превратилось в непроницаемую маску агента «007», которому только что сообщили, что его любимую марку часов сняли с производства.

Он нашёл единственное свободное место — у дальнего торца дома, рядом с помойными баками (источник биологической угрозы и акустического загрязнения от ворон).

Выход из машины превратился в сложнейшую инженерную задачу под названием «Выход из автомобиля при боковом зазоре 18 см». Ему пришлось сложиться практически вдвое, втянуть живот (он всегда делал это машинально) и выползти из салона боком, как краб-отшельник из раковины.

— Это... это... — бормотал он себе под нос, отряхивая пальто от невидимой пыли. — Это нарушение конвенции Монрё о свободе судоходства в территориальных водах!

Он шёл к подъезду, сжимая в руке портфель из экокожи так, будто это был эфес шпаги. В его голове зрел план. Хитрый, безупречный план возмездия.

«Она думает, что хаос может победить порядок? Ха! Порядок — это система с обратной связью. На каждое действие есть противодействие. Она нарушила мой протокол выезда? Отлично. Я нарушу её протокол... комфорта. У неё есть привычка выходить из дома ровно в 08:15 с огромным холстом? Да. Я видел это десятки раз. Холст мешает ей смотреть по сторонам при выезде задним ходом. Она полагается на слух и интуицию. Что ж... мы добавим в её уравнение новую переменную».

Весь вечер Эрик провёл в своей квартире-музее за компьютером. Он не работал над отчётом. Он работал над местью.

Он открыл программу для 3D-моделирования (увлечение со студенческих лет) и построил точную модель их двора с припаркованными машинами. Он ввёл параметры: радиус разворота Polo, радиус разворота «жука», угол поворота колёс... Он просчитал всё.

В 06:40 утра следующего дня Эрик был во дворе. На этот раз он не просто занял своё место. Он припарковался идеально ровно (отклонение 0 мм), но развернул машину носом не к выезду, а к стене дома.

Это создавало ситуацию «L-манёвра» максимальной сложности для любого, кто попытается выехать с места №42.

Эрик поднялся в квартиру, заварил чай и сел у окна с биноклем (немецкий, цейссовская оптика), который он использовал для наблюдения за птицами (хобби для успокоения нервов).

«08:10... 08:12... А вот и она. Дуся Сергеевна во всей красе. Волосы собраны в пучок-торнадо, в руках — он! Тот самый холст размером 100х70 см. Её ахиллессова пята. Её слепое пятно».

Дуся вышла из подъезда, помахала тёте Клаве с первого этажа и направилась к своей машине. Она открыла дверь водителя, бросила холст на пассажирское сиденье

Она открыла дверь водителя, бросила холст на пассажирское сиденье (тот самый, с которого она рисовала их «Диалог» на стене, и который теперь служил ей щитом от мира) и села за руль. Эрик видел в бинокль, как она поправила зеркало заднего вида. Она была спокойна. Слишком спокойна.

Дуся завела двигатель. Жёлтый «жук» послушно заурчал. Она включила заднюю передачу. Эрик напрягся, его пальцы впились в подоконник. Сейчас. Сейчас она поймёт.

Дуся начала сдавать назад. Она выкрутила руль влево, как делала это тысячу раз, ожидая, что через секунду её нос повернёт в сторону выезда со двора. Но нос не поворачивал. Вместо этого её задний бампер начал плавно, но неумолимо приближаться к серому боку «Поло» Эрика.

В бинокль Эрик видел, как её лицо, до этого расслабленное, начало меняться. Сначала брови чуть приподнялись в удивлении. Затем глаза расширились. А потом... потом на её лице появилась та самая улыбка. Улыбка человека, который понял, что его переиграли на его же поле.

Она не запаниковала. Она не стала бить по тормозам с визгом, который разбудил бы весь двор. Нет. Дуся была художником, а художник умеет импровизировать. Она выкрутила руль до упора вправо, одновременно нажав на газ. Её «жук» совершил невозможное — он начал выворачиваться из западни, используя бампер Эрика как точку опоры.

«Скриииип».

Звук был тихим, почти интимным. Звук соприкосновения немецкой инженерной мысли и отчаянной художественной импровизации. Эрик вздрогнул, словно это его задели. В его голове мгновенно сработал протокол оценки ущерба: *Вероятность повреждения ЛКП (лакокрасочного покрытия):15%. Вероятность наличия царапины на бампере: высокая. Эмоциональный ущерб: критический.*

Но он не мог отвести взгляд. Это было... красиво. В этом безумном манёвре было столько грации и наглости, что Эрик на секунду забыл о своём плане. Дуся вывернулась. Она освободилась из ловушки, оставив на память о себе лишь тонкий серебристый след на бампере его машины.

Она выехала со своего места, остановилась рядом с его окном (Эрик инстинктивно отпрянул вглубь комнаты) и опустила стекло.

— Эрик! — её голос был звонким и полным восторга. — Это было великолепно! Вы настоящий стратег! Я почти впечатлена!

Эрик молчал. Он был поражён. Не её манёвром, а тем, что его идеальный, выверенный до миллиметра план... провалился? Нет. Он не провалился. Он сработал. Но результат был не тот, что он ожидал. Он ожидал её капитуляции, а получил её восхищения.

— Вы поцарапали мне бампер, — сухо сказал он, наконец обретя дар речи. — Ерунда! — отмахнулась Дуся. — Это просто добавит ему характера! Теперь это не просто серая машина, а машина с историей!

— История стоит денег на покраску.

— Я оплачу! Честно честно! — она засмеялась и уехала, оставив Эрика стоять у окна с биноклем в руках.

Он проиграл битву, но выиграл войну? Или наоборот? Его система анализа дала сбой.

Весь день на работе Эрик был рассеян. Он путал сметы, отправил письмо с отчётом не тому адресату и даже назвал начальника отдела маркетинга «уважаемым прорабом». В его голове крутился один и тот же цикл: скрип бампера, её улыбка и фраза «машина с историей».

История. У его машины никогда не было истории. У неё были технические характеристики (объём двигателя 1.6 л, мощность 110 л.с.), год выпуска и пробег. Но истории не было.

Вечером он спустился во двор с твёрдым намерением оценить ущерб при дневном свете. Он подошёл к своей машине, присел на корточки и провёл пальцем по тонкой царапине на бампере. Царапина была неглубокой. Почти незаметной.

И тут он увидел это.

Под задним бампером его машины, прямо на асфальте его законного парковочного места, лежал предмет. Маленький, серый, пушистый комок.

Эрик уже знал, что это. Он уже проходил через это. Это был «подарок» от Бублика.

Эрик застонал и закрыл лицо руками. — Дуся! — крикнул он в сторону её окон. Окно кухни распахнулось через секунду. — Что? Бублик опять?

— Дуся! — крикнул он в сторону её окон, чувствуя, как волна праведного инженерного гнева поднимается в груди. — Ваш кот! Он снова оставил инсталляцию на моём парковочном месте!

Окно кухни распахнулось через секунду. В нём показалась растрёпанная голова Дуси.

— Что? Бублик опять? Я не могу сейчас, я творю! У меня вдохновение! — её голос был полон отчаяния человека, которого отрывают от акта созидания ради бытового мусора.

— Евдокия, — голос Эрика был холоден, как жидкий азот. — Это не «инсталляция». Это биологическая угроза класса «Б». Я не могу поставить сюда машину. У меня протокол дезинфекции.

Дуся выглянула в окно и увидела серый комок у бампера Эрика. Она вздохнула так тяжело, что, казалось, занавески в её кухне колыхнулись. — Ладно-ладно! Сейчас!

Через минуту она выскочила из подъезда, вооружённая пластиковым пакетом и листом картона (от старой коробки из-под пиццы). Она подошла к «подарку» с видом сапёра, обезвреживающего бомбу.

— Бублик! — крикнула она в сторону своих окон. — Ты террорист шерстяной!

Поддев «инсталляцию» картонкой и ловко перевернув её в пакет, она посмотрела на Эрика. На её лице играла хитрая улыбка.

— Ну что, Эрик Шин, — сказала она, завязывая пакет узлом. — Мы с вами в расчёте?

Эрик опешил. Он посмотрел на свою машину. Царапина на бампере. Теперь исчезнувший «подарок».

— Что вы имеете в виду?

Дуся подошла ближе и ткнула пальцем в серебристую полосу на его бампере.

— Вы поцарапали мою машину своим идеальным манёвром. Я убрала за своим котом. Квиты? — она протянула ему руку для рукопожатия, в другой всё ещё держа пакет с неприятным содержимым.

Эрик посмотрел на её руку, потом на пакет, потом снова на царапину. В его голове происходил самый сложный вычислительный процесс. С точки зрения формальной логики... она была права. Ущерб был возмещён. Баланс восстановлен.

Он пожал её руку. Рука художника была тёплой и немного испачканной в краске.

— Квиты, — согласился он.

В этот момент что-то изменилось. Их война, длившаяся столько месяцев, закончилась не взрывом, а тихим соглашением. Они посмотрели друг на друга не как противники, а как... союзники? Соучастники?

Дуся выбросила пакет в мусорный бак и повернулась к нему.

— Знаете что? — сказала она задумчиво. — А вы неплохо припарковались сегодня утром. Этот ваш «L-манёвр»... это было почти искусство.

Эрик почувствовал, как уголки его губ предательски ползут вверх.

— Почти?

— Ну да. В настоящем искусстве всегда должен быть элемент случайности. Немного хаоса. Как моя царапина на вашем бампере.

Эрик посмотрел на царапину ещё раз. Теперь она не казалась ему нарушением протокола. Она казалась... подписью автора.

В этот момент из-за угла дома вырулил Петрович на своём «Москвиче». Он увидел Эрика и Дусю, стоящих у его (Эрика) машины, и хитро прищурился.

— О! Соседи! Миритесь? Или опять делите чего?

Дуся рассмеялась:

— Мы делим парковочное место, Петрович! По-братски!

Петрович загоготал:

— Ну-ну! Дело молодое! Главное, чтоб «Москвич» мой не поцарапали! А то я его больше вас всех вместе взятых люблю!

Он проехал мимо и занял своё законное место у помойки.

Эрик и Дуся переглянулись и снова рассмеялись.

В этот день Эрик понял одну важную вещь: иногда порядок — это не отсутствие хаоса, а умение договориться с ним. И иногда для этого нужно всего лишь поцарапать бампер и убрать за котом.

С тех пор их война за парковку превратилась в сложный, но понятный им двоим танец. Иногда Эрик парковался чуть криво, «случайно» блокируя Дусе выезд (протокол «Дружеская блокада»). Иногда Дуся занимала его место, но оставляла под дворником не гневную записку, а рисунок его машины в стиле кубизма. А Бублик? Бублик продолжал свою партизанскую войну, но теперь его «подарки» чаще всего оказывались у двери Петровича. Видимо, кот тоже умел ценить стратегические союзы.

Глава 3. Кот по имени Бублик

«Найти порядок в хаосе — это искусство.

Найти любовь в беспорядке — это чудо».

Автор неизвестен

Если бы Эрик Шин составлял рейтинг угроз национальной безопасности, то на первом месте, безусловно, значились бы мировые финансовые кризисы, на втором — глобальное потепление, а на третьем, с огромным отрывом, но с неоспоримым постоянством — кот Евдокии по кличке Бублик.

Бублик был не просто котом. Он был пушистым, наглым и абсолютно уверенным в своей божественной миссии существом. Весом в добрых семь килограммов, он передвигался по квартире Дуси с грацией и бесшумностью заходящего на посадку дирижабля. Его шерсть, цвета топлёного молока с рыжими подпалинами, была повсюду: на свитерах Эрика, на его клавиатуре, в его утреннем кофе (однажды) и, что самое возмутительное, в его идеально вычищенном пылесосом Dyson фильтре.

Но главным преступлением Бублика была его охота. В отличие от нормальных котов, которые гордо выкладывают дохлых мышей на хозяйский порог, Бублик считал порог Эрика Шина своей личной выставочной галереей.

— Это инсталляция! — с восторгом заявляла Дуся, когда Эрик в очередной раз обнаруживал у своей двери очередной «трофей» — от полуживого дождевого червя до однажды принесённого (и благоухающего) птенца воробья. — Он выражает вам своё почтение! Это же высшая степень доверия!

— Доверия? — шипел Эрик, держа двумя пальцами несчастного червяка на совке. — Это биологическая угроза! У меня есть протокол дезинфекции после контакта с фауной!

Эрик купил ультразвуковой отпугиватель. Устройство, обещавшее «гуманное изгнание всех домашних вредителей», издавало звук, от которого у самого Эрика начиналась мигрень, а у Дуси — приступы неконтролируемого хохота. Бублик же, судя по его довольной морде, считал этот писк саундтреком к своей успешной охоте.

Дуся в ответ купила коту ошейник с колокольчиком. Колокольчик был размером с бубен шамана. Когда Бублик решал совершить ночной рейд к миске, казалось, что по квартире скачет табун лошадей с бубенцами.

— Я не могу спать! — жаловался Эрик стене, разделявшей их квартиры. — У меня ощущение, что ко мне в спальню ломится духовой оркестр!

Апогеем этой холодной войны стал тот самый четверг.

Эрик сидел за ноутбуком, заканчивая квартальный отчёт. В квартире стояла идеальная тишина, нарушаемая лишь мягким шелестом клавиатуры и тихим урчанием его кофемашины. Он был в потоке. Цифры складывались в красивые графики, графики — в убедительные диаграммы. Жизнь была прекрасна и логична.

Вдруг из-за стены раздался звук, который не вписывался ни в один акустический стандарт. Это был грохот, скрежет когтей по металлу и душераздирающее «Мяу!», исполненное в тональности «конец света».

Эрик вздрогнул. Кофе выплеснулся из чашки на отчёт. График прибыли за третий квартал украсился коричневым пятном.

Через пять минут в его дверь отчаянно забарабанили.

На пороге стояла Дуся. Вид у неё был такой, будто она только что стала свидетелем падения Тунгусского метеорита.

— Эрик! Спасите! Он там застрял!

— Кто застрял? — Эрик уже знал ответ, но надежда на то, что это просто рухнул её мольберт с очередной «взбесившейся фуксией», ещё теплилась. — Бублик! В вентиляции! Между нашими квартирами!

Эрик посмотрел на потолок. В том месте, где труба уходила в перекрытие, слышалось жалобное подвывание и скрежет.

Это было выше его сил. Это было нарушение всех протоколов безопасности. Кот в инженерной системе дома — это форс-мажор высшего порядка.

— Вы хоть понимаете, что это нарушение СНиП? — обречённо спросил он, уже снимая с вешалки свой лучший свитер (придётся отдать в химчистку).

Дуся схватила его за рукав: — Пожалуйста! Он там уже час! Я слышу, как он дышит!

Эрик вздохнул так тяжело, что мог бы сдуть пылинку с Луны. Он достал из кладовки ящик с инструментами (немецкий чемодан Knipex), надел рабочие перчатки и взял мощный фонарь.

Вход в вентиляционный короб находился у него в кладовке. Эрик посветил фонарём внутрь. В узком металлическом тоннеле, примерно на уровне его груди, светились два огромных жёлтых глаза, полных вселенской скорби и гастрономических планов на ближайшуюмышь.

— Бублик... — прошептал Эрик голосом человека, идущего на переговоры с инопланетным разумом. — Иди сюда... Ну же...

Кот зашипел и попытался забраться глубже, но лишь плотнее застрял.

Операция по спасению кота напоминала работу сапёров. Дуся обхватила Бублика за мощный торс (кот издал звук «Мрррр-урргх», похожий на работу неисправного дизельного двигателя), а Эрик аккуратно пшикал силиконом в щель.

— Ещё немного... Ещё...

С громким «чпок» Бублик выскользнул из плена и рухнул на руки Дуси. Он посмотрел на Эрика взглядом полным немого укора: «Ты видел это унижение? Я требую компенсацию морального ущерба в виде двойной порции влажного корма».

Бублик был свободен. Он отряхнулся так, что шерсть полетела во все стороны (прямо на идеально чистые брюки спасителя), и величественно прошествовал на кухню Дуси к своей миске.

Эрик стоял посреди коридора Дуси: взъерошенный, в пыли из вентиляции, со свитером в кошачьей шерсти и выражением лица человека, который только что совершил подвиг и не получил за это даже медали.

Дуся бросилась ему на шею:

— Вы герой! Настоящий герой!

Эрик замер. От неё пахло краской и малиной. Её волосы щекотали ему нос. Это было тактильное нарушение личного пространства пятого уровня опасности.

Он аккуратно отстранился: — Я просто следовал протоколу спасения гражданских лиц... и котов... пункт 42-альфа...

Он направился к выходу.

— Эрик! Подождите! Как я могу вас отблагодарить? — Смените ошейник на бесшумный. И запретите ему носить мне трофеи.

Он вышел в подъезд, бормоча себе под нос что-то про фильтры НЕРА и необходимость срочной дезинфекции всей квартиры ультрафиолетом.

Дуся закрыла дверь и посмотрела на Бублика, который уже доедал свой ужин так, будто ничего не произошло.

— Ты слышал? Он назвал тебя гражданским лицом!

Бублик лишь сыто мяукнул и чихнул Эрику вслед прямо из-за стены.

Но самый большой сюрприз ждал Эрика позже.

Однажды вечером он услышал из-за стены странные звуки: стук молотка и жужжание дрели.

«О нет», — подумал Эрик. — «Она опять что-то вешает на стену без уровня». Он вышел в коридор и позвонил ей.

— Дуся? У вас всё в порядке? Вы... сверлите?

— Да! — бодро ответила она. — Вешаю новую полку для красок!

— Вам помочь? У меня есть лазерный нивелир и перфоратор с функцией шуруповёрта!
— Не надо! У меня есть консультант!

Эрик представил себе какого-нибудь знакомого Дуси — бородатого художника-силача.
— И кто же ваш консультант? Петрович?

В ответ из трубки раздалось громкое и требовательное «Мяу!».

Эрик замер. — Дуся... вы что... сверлите стену... с помощью кота?

— Ну конечно! — её голос был полон энтузиазма. — Смотрите! Я держу уровень (она приложила телефон так, чтобы он видел старый советский строительный уровень на столе), а Бублик ходит по нему! Когда пузырёк окажется ровно посередине — он мяукает! Это же гениально! У него идеальный вестибулярный аппарат!

Эрик представил эту картину: Дуся стоит на табуретке с дрелью, а на уровне у неё вальяжно разгуливает семикилограммовый кот. Бублик в этой схеме выступал не просто питомцем, а живым гироскопом.

— Дуся... это нарушение всех правил техники безопасности...

В этот момент из трубки раздался звук упавшего предмета и громкое шипение.

— Ой! Бублик! Ты зачем прыгнул?! Уровень упал! Консультант недоволен!

Эрик не выдержал и рассмеялся:

— Ладно... Если ваш консультант даст добро — я подойду через пять минут.

Когда он вошёл в квартиру Дуси, его взору предстала картина маслом: Дуся сидела на полу среди банок с краской, а перед ней лежал строительный уровень. На самом уровне, свернувшись калачиком прямо на пузырьке (который теперь был безнадежно смещён), спал Бублик.

— Он сказал, что на сегодня рабочий день окончен, — вздохнула Дуся. — Требуется прибавки к зарплате в виде паштета.

Эрик посмотрел на кота-консультанта:

— Знаете... я думаю, нам всё-таки стоит повесить полку по старинке. С помощью физики и инструментов.

Дуся улыбнулась:

— А я думаю, что физика без кота — это скучно.

Эрик был человеком привычки. Каждое субботнее утро начиналось с ритуала, который он называл «Восстановление гомеостаза среды», а Дуся, подслушав однажды, окрестила «священным танцем с микрофиброй». Это был не просто процесс удаления пыли, а многоступенчатый алгоритм, нарушение которого каралось лёгким приступом обсессивно-компульсивного расстройства.

Всё должно было быть по протоколу: сначала сухая уборка пылесосом Dyson, режим «Твёрдые полы», затем влажная тряпкой из микрофибры, средство с pH-нейтральным составом, без отдушек, чтобы не нарушать химический баланс воздуха. Пол должен был блестеть так, чтобы в нём можно было увидеть своё отражение и проверить качество бритвы. Любая пылинка на поверхности рассматривалась как личное оскорбление.

В одну из таких суббот Эрик только что закончил финальный этап. Он стоял в центре гостиной, любуясь результатом. Пол сиял чистотой, отражая свет потолочной люстры. В этой зеркальной глади мир казался упорядоченным и правильным.

«Идеально», — мысленно констатировал Эрик. — «Коэффициент трения восстановлен до заводских настроек. Поверхность готова к эксплуатации».

В этот момент из-за стены донёсся звук открываемой двери и характерный цокот когтей по ламинату. Бублик вышел на свою ежедневную инспекцию коридора. Он увидел приоткрытую дверь квартиры №41. Для кота это было не просто приглашение, а вызов, брошенный его кошачьему величеству. Это был портал в новый мир, пахнувший порядком, чистотой и чем-то неумовимо строгим (возможно, брокколи на пару).

Бублик проскользнул внутрь. Его первая остановка — идеально чистый пол. Кот подошёл к нему с видом сомелье, оценивающего дорогое вино. Он медленно наклонил голову, прищурил один глаз и принялся. Пахло химией и триумфом человеческого разума над хаосом.

Бублик презрительно фыркнул. Это было... скучно. Слишком стерильно. В этом полу не было души. Не было «правды жизни».

Он поднял правую переднюю лапу. Осторожно коснулся зеркальной поверхности подушечкой. Пол был скользким. Идеально гладким. Бублик прищурился. В его голове родился план.

Он отошёл к дивану (идеально расправленному), который служил ему стартовой площадкой для подобных авантюр. Разбежался (насколько это возможно для семикилограммовой туши), оттолкнулся задними лапами и заскользил по полу на боку, словно пушистый сноубордист на олимпийской трассе.

«Скриииииип».

Звук был похож на скрип мела по школьной доске в пустой аудитории или визг тормозов несущегося поезда. Для Эрика, стоявшего в центре комнаты с чувством глубокого удовлетворения, этот звук был равносителен взрыву ядерной бомбы в его сенсорной системе.

Он обернулся как раз в тот момент, когда Бублик, проехав метра три по идеальному паркету, эффектно затормозил у противоположной стены, оставив за собой широкую полосу кошачьей шерсти цвета топлёного молока.

Эрик молча закрыл глаза. Он медленно сосчитал до десяти на древнегерманском (его способ экстренной медитации).

— Бублик... — прошептал он голосом человека, стоящего на краю пропасти.

Кот сидел у стены и смотрел на него с видом абсолютной невинности: «Кто, я? Я просто проверял коэффициент скольжения напольного покрытия. В рамках технического надзора».

Эрик посмотрел на свой идеальный пол. Теперь на нём красовалась жирная шерстяная полоса от плеча до хвоста Бублика. Это была не просто грязь. Это была инсталляция под названием «Вторжение хаоса в стерильную среду».

Из-за спины раздался смех Дуси. Она стояла в дверном проёме своей квартиры и вытирала слёзы.

— Эрик! Это же... это же... «След кометы»! Посмотрите на эту траекторию! А эта шерсть — это же готовая текстура для пастели!

Эрик посмотрел на неё, потом на кота, который уже начал вылизывать лапу, всем своим видом показывая, что он тут вообще ни при чём.

И Эрик Шин, человек-инструкция, сделал то, чего от него никто не ожидал. Он расхохотался. Громко и искренне.

— Дуся... — сказал он сквозь смех. — Кажется, ваш кот только что сдал мой пол как курсовую работу по физике.

С тех пор Эрик перестал требовать от пола зеркального блеска. Теперь он просто следил, чтобы на нём не было пятен от кофе или следов от мокрых лап (после того как Дуся помает

Бублика в раковине). А иногда он даже специально оставлял на полу пару крошек от печенья — для создания «объёмной фактуры», как выразилась Дуся.

Бублик наблюдал за этими переменами с системного блока компьютера с видом кота-реформатора: «Порядок должен быть гибким. Иначе это не порядок, а тюрьма».

Глава 4. Ремонт как способ терапии

*«Любовь — это когда чьё-то счастье
становится важнее твоего собственного».*
Эрик Шин

Если бы у вселенной был пульт управления, то кнопка «Случайный сбой» была бы нажата именно в тот момент, когда Эрик Шин решил, что его жизнь наконец-то вошла в фазу стабильной синусоиды. Стабильность, как известно, — это состояние, которое больше всего раздражает хаос. А главным агентом хаоса в радиусе десяти метров от квартиры Эрика была Евдокия.

На этот раз удар пришёлся по кухне. Дуся решила, что её творческая энергия застыла, а стены цвета «грустный бежевый» мешают её музе дышать полной грудью. Решение было радикальным и, с точки зрения Эрика, граничащим с вандализмом.

— Я крашу кухню в цвет «взбесившаяся фуксия»! — объявила она ему в коридоре, размахивая банкой краски так, будто это был победный кубок на чемпионате мира по художественному беспорядку.

Эрик, который в этот момент пытался вставить ключ в замочную скважину (руки были заняты пакетом с брокколи и авокадо — продуктами для идеального ужина), замер. Его внутренний процессор выдал критическую ошибку.

— Что, простите?

— Фуксия! — повторила Дуся с блаженной улыбкой наркомана, увидевшего дилера. — Это цвет страсти! Он стимулирует аппетит и креативность!

Эрик поставил пакет на пол. Брокколи и авокадо осуждающе посмотрели на него из шуршащего пластика.

— Евдокия. Давайте обратимся к науке. К психологии цвета. Фуксия — это цвет тревоги, истерии и дешёвых закусок в привокзальных зонах. Он вызывает нервный тик и желание немедленно выйти на свежий воздух.

Дуся упёрла свободную руку в бок. Её футболка с единорогом сегодня была заляпана чем-то ядовито-зелёным (вероятно, оксид хрома).

— А ваш бежевый — это цвет депрессии и офисной тоски! В нём нет жизни!

Спор был неизбежен, как приход весны или квартальный отчёт. Эрик, вооружившись знаниями, полученными из статьи «Как цвет стен влияет на вашу продуктивность», которую он прочитал на прошлой неделе во время законного перерыва на обед, начал наступление:

— У меня есть палитра RAL. Вот, смотрите: «Серый антрацит» (RAL 7016) — стильно, успокаивает нервную систему. Или «Светло-бежевый» (RAL 1015) — классика, визуально расширяет пространство.

Дуся посмотрела на его планшет с палитрой так, как смотрела бы монахиня на порножурнал.

— Это цвета для роботов, Эрик. Для людей, у которых вместо сердца — калькулятор. А я художник! Я чувствую цвет!

Она демонстративно открыла банку. Запах ударил в нос Эрику химическим облаком. Это был запах бунта.

— Вы хоть проветривать собираетесь? — обречённо спросил он.

— Конечно! Я открою все окна настежь! Будет сквозняк! Свежий воздух!

Эрик понял, что проиграл битву, но не войну. Он ретировался в свою квартиру, запер дверь и для верности подпер её стулом, словно это могло спасти его от цветовой атаки.

Ночь прошла относительно спокойно, если не считать того, что Эрик дважды просыпался от кошмаров, в которых его кухня была залита флуоресцентным розовым светом, а кот Бублик ходил по потолку и смеялся демоническим смехом.

Утро принесло новые потрясения.

Эрик вышел из квартиры с твёрдым намерением купить беруши и противогаз. Но то, что он увидел на лестничной клетке, заставило его замереть на месте.

Стена Дуси... изменилась.

Одна её часть была выкрашена в тот самый ужасающий цвет фуксии. Яркий, наглый, кричащий. Но рядом... рядом была огромная полоса серого цвета. Грязно-лилового, неровного, с разводами от валика.

Эрик подошёл ближе. Присмотрелся. Это был не дизайнерский ход в стиле «градиент» или «колор-блок». Это была халтура. Неряшливая, дилетантская перекраска.

В этот момент дверь Дуси распахнулась. Она стояла на пороге с валиком в одной руке и чашкой кофе (из его кружки NASA) в другой. На её лице застыло точно такое же выражение шока и недоумения.

— Что... что вы наделали?! — хором воскликнули они.

Дуся первая пришла в себя:

— Вы! Вы перекрасили мою стену! Ночью!

Эрик выпрямился во весь рост, пытаясь придать себе вид оскорблённой невинности:

— Я? Перекрасил? С какой стати? Может быть, это вы сначала покрасили стену в этот... этот... а потом решили перекрасить её в серый, но у вас дрогнула рука художника?

Дуся упёрла валик ему в грудь:

— Я не красила её в серый! Я покрасила только половину! Я хотела сделать «акцентную стену»! А теперь она испорчена!

Эрик посмотрел на серую полосу, потом на Дусю, потом снова на стену. В его голове пазл сложился с щелчком, который был слышен, наверное, даже Петровича. Он вспомнил свой ночной кошмар. Вспомнил чувство справедливости, которое зыграло в нём после полуночи. Вспомнил, как тихо вышел из квартиры со своим валиком и банкой серой краски (остатки от ремонта ванной), как крался к стене Дуси и...

Он сделал это. Он спасал мир от фуксии.

И теперь он должен был признаться.

— Ладно, — вздохнул Эрик, опуская плечи. Серый цвет на стене выглядел ужасно. — Это был я.

Дуся открыла рот от удивления:

— Вы? Но... зачем?

Эрик посмотрел ей в глаза. В них больше не было злости или осуждения. Там было чистое, незамутнённое любопытство.

— Потому что фуксия — это преступление против человечества. А серый... серый — это порядок.

Наступила тишина. Они стояли и смотрели на плод их совместного (хоть и тайного со стороны Эрика) творчества.

А потом Дуся начала смеяться. Сначала тихо, потом громче и громче, пока не согнулась пополам, держась за живот.

Эрик смотрел на неё сначала сурово, но уголки его губ предательски дрогнули. Он посмотрел на стену: идеальный квадрат фуксии переходил в грязно-лиловую полосу серого цвета. Это было ужасно. Это было чудовищно. Это было... гениально в своей абсурдности.

И он тоже засмеялся. Громко, от души, так, как не смеялся уже много лет. Он смеялся над собой, над ней, над этой нелепой стеной и над всей ситуацией в целом.

Они смеялись вдвоём, стоя на лестничной клетке спального района Москвы: он — в идеально выглаженной рубашке (сегодня синяя), она — с разноцветными пятнами краски на футболке с единорогом.

А стена за их спинами стояла как монумент их странной дружбе-недоразумению: наполовину страсть, наполовину порядок, а в итоге — полный хаос.

В конце концов Дуся вытерла выступившие от смеха слёзы:

— Знаете что? Оставим так. Это самая концептуальная вещь, которую я когда-либо делала. Назовём это... «Диалог».

Эрик кивнул:

— Или «Ошибка коммуникации». Они посмотрели друг на друга и снова прыснули со смеху.

В этот момент Эрик понял одну важную вещь: инструкции к жизни не существует. А если бы она была, то первая глава гласила бы: «Будь готов к тому, что всё пойдёт не по плану».

Ночь после «диалога» на стене прошла беспокойно для всех участников событий.

Для Эрика она была наполнена тревогой за эстетическое состояние подъезда и чувством странного удовлетворения от совершённого акта вандализма во имя порядка.

Для Дуси ночь была временем творческого прозрения и приступов неконтролируемого хохота при воспоминании о серой полосе.

А для Бублика эта ночь стала временем великих открытий и тактического манёвра эпического масштаба.

Бублик был котом наблюдательным. Он видел всё: как Эрик выходил со странной банкой глубокой ночью (запах был резкий, химический), как он возил чем-то по стене (звук был мерзкий), как потом пришла Дуся и долго смотрела на стену с выражением крайнего недоумения на лице. Бублик не понимал человеческих эмоций вроде «гнева» или «обиды», но он прекрасно понимал концепцию «ресурса». А стена теперь представляла собой гигантский ресурс.

Дело в том, что Бублик недавно открыл для себя новую забаву: точить когти о вертикальные поверхности. Обои были скучными и быстро рвались. Диван Дуси был под строгим запретом (она обклеила его углы двусторонним скотчем — тактическое унижение). А вот свежеевыкрашенная стена... О-о-о...

Краска была ещё влажной и податливой. Она забивалась под когти самым восхитительным образом. Это было лучше любой когтеточки из джута или сизаля. Это было искусство!

Бублик дождался трёх часов ночи — времени максимальной тишины и минимальной бдительности двуногих. Он тихо вышел из квартиры Дуси (дверь она оставила приоткрытой для циркуляции воздуха после покраски). Его мягкие лапы ступали бесшумно по кафельному полу подъезда. Он подошёл к стене-диалогу. Сначала он потрогал её лапой. Отлично. Влажная. Затем он понюхал серую полосу. Пахло... странно. Не едой. Но текстура была идеальная. Бублик встал на задние лапы, вытянулся во весь свой семикилограммовый рост и с наслаждением вонзил когти в серую полосу Эрика.

«Скррр-джжж».

Звук был божественным. Ощущение было божественным. Бублик работал методично: вверх-вниз, вверх-вниз. Он создавал свой собственный шедевр поверх человеческого. Он добавлял в диалог свои глубокие борозды когтистой истины.

Он так увлёкся процессом созидания (или разрушения), что не заметил приближения Петровича.

Петрович тоже страдал бессонницей. У него болела спина (профессиональная травма водителя «Москвича»), и он вышел покурить на лестничную клетку (нарушение правил пожарной безопасности).

Когда из-за угла показалась огромная тень Бублика, который стоял у стены в странной позе и драл её с усердием промышленного шредера, Петрович замер. Сначала он подумал, что это крыса-мутант. Потом — что это демон из преисподней пришёл по его душу за все его грехи (парковка на газоне в 1998-м).

Но когда существо издало довольное «Мррр-джжж», Петрович перекрестился и попятился назад к своей двери так быстро, как только позволяла его больная спина.

Бублик даже не обернулся. Он закончил свой шедевр — пять глубоких параллельных борозд на сером фоне — и с чувством выполненного долга удалился обратно в квартиру Дуси спать на системном блоке компьютера (самое тёплое место).

Утро принесло новый виток драмы. Дуся первая вышла из квартиры и направилась к своему творению-химере с чашкой кофе («Первая кружка» Эрика). Она хотела ещё раз полюбоваться абсурдностью ситуации перед работой.

Но то, что она увидела, заставило её кофе пойти носом. На серой полосе Эрика красовались пять огромных царапин от когтей. Они шли ровной линией вверх-вниз, словно кто-то пытался написать букву «Е» гигантским шрифтом или сыграть гамму на невидимом пианино.

Дуся посмотрела на царапины. Потом она посмотрела на свою дверь. Потом она посмотрела на потолок (откуда падал свет).

И тут до неё дошло.

— Бублик! — её голос был полон праведного гнева и... сдерживаемого смеха. — Ах ты... ты... критик современного искусства!

В этот момент из своей квартиры вышел Эрик. Он увидел Дусю у стены и подошёл к ней. — Что-то случилось? Серый цвет вам разонравился? Дуся молча указала ему на царапины. Эрик посмотрел на них. Его лицо оставалось невозмутимым пару секунд. А потом его брови поползли вверх: — Это... это же... — Да! Это ваш серый цвет! Испорченный котом!

Эрик посмотрел на царапины профессиональным взглядом инженера: — Глубина борозды примерно 2 миллиметра... Угол наклона 45 градусов к поверхности...

Дуся не выдержала и расхохоталась:

— Вы даже кошачий вандализм можете анализировать с помощью сопромата!

Эрик посмотрел на неё, потом снова на стену-диалог: фуксия Дуси, серый Эрик и поверх всего этого — пять когтистых полос Бублика.

Это было уже не просто хаосом или порядком. Это было нечто третье. Нечто новое.

Это была жизнь. И он снова засмеялся вместе с ней.

Их смех, эхом отражавшийся от стен подъезда, был прерван тихим, но требовательным «Мяу?».

Эрик и Дуся синхронно повернули головы. В дверном проёме квартиры №42, словно пушистый и слегка недовольный сфинкс, восседал Бублик. Его янтарные глаза, не мигая, смотрели на творение своих когтей. Он оценивал результат своей ночной работы с видом художника, вносящего финальные штрихи в шедевр эпохи Возрождения.

— Бублик! — воскликнула Дуся, уперев руки в бока. — Это твоих лап дело?

Кот перевёл взгляд с изуродованной стены на хозяйку. В его взгляде читалось чистое, незамутнённое кошачье высокомерие: «Я не понимаю, о чём ты, человек. Я просто проходил мимо и восхищался архитектурным решением. Хотя, признаю, фактура была... неполной».

— Он ещё и издевается! — Дуся всплеснула руками, случайно стряхнув каплю кофе с кружки прямо на свежую, ещё липкую полосу серой краски. На сером фоне расплылось идеально круглое коричневое пятно.

Эрик, наблюдавший за этой сценой, почувствовал, как его аналитический ум даёт сбой. Это было уже не просто смешение хаоса и порядка. Это был их химический синтез, взрывоопасная реакция, породившая нечто совершенно новое.

— Дуся... — медленно произнёс он, указывая на коричневый круг. — Смотрите. Теперь это... это же...

— Кофейное пятно! — подхватила она, и её глаза снова загорелись тем самым творческим огнём. — Эрик! Это гениально! Это же... это же «Утро после диалога»! Или «Кофе-брейк в мире контрастов»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.